

УДК 81'373.611:811.511.152.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-2-217-224

О некоторых типах редуPLICATION в эрзянском языке

Е. Ф. Клементьева

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
klementeva.71@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В эрзянском литературном языке и его диалектах широкое употребление находят редуцированные единицы, структуры которых представляют собой удвоение слов различных категорий. В пределах редуциатива, как правило, сочетаются слова одной части речи, однако могут быть и исключения. Процесс объединения компонентов в одно целое шёл на различных этапах становления языка. В настоящее время некоторые из подобных слов утратили способность распадаться на самостоятельные лексические единицы. Возникает необходимость более пристального их рассмотрения, т. к. в эрзянском языке к ним относят не только полные или частичные случаи повтора одних и тех же слов, но и парные слова. Или же их чаще всего относят к группе парных слов.

Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью данных единиц в мордовском языкознании, отсутствием комплексного анализа редуциативов.

Цель: характеристика структурных типов редуцированных слов и их семантических групп в эрзянском языке.

Материалы исследования: произведения эрзянских писателей А. Арапова, К. Абрамова, А. Доронина, А. Куторкина, Нуянь Видяза, а также лексикографический и диалектный материал.

Результаты и научная новизна. В статье впервые проведён комплексный анализ редуцированных слов в эрзянском языке. Выявлено, что в структурном плане редуциация может быть полной (полное повторение одного и того же компонента), неполной или частичной (частичное повторение редуцианта), дивергентной (с изменением звукового состава редуцианта). Кроме этого, встречаются случаи осложнённой редуциации, когда тот или другой компонент имеет в своём составе дополнительный аффикс.

Подобные формы имеют разные семантические возможности: выражение разделительной и собирательной множественности, а также усиления, увеличения, превосходства, повторяемости, многократности.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые исследуются структурные характеристики редуцированных слов и выражаемых ими значений в эрзянском языке.

Ключевые слова: эрзянский язык, редуциация, повтор, дистрибуция, количество

Для цитирования: Клементьева Е. Ф. О некоторых типах редуциаций в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 217–224.

About some types of reduplications in the Erzya language

E. F. Klementyeva

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
klementeva.71@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the reduplicated units, the structures of which are reduplication of words of different categories, are widely used in the Erzya literary language and its dialects. Within the reduplicative, as a rule, words of one part of speech are combined, but there may be exceptions. The process of combining components into one whole has taken place at various stages of the language development. At present, some of these words have lost the ability to fall into independent lexical units. There is a need for their closer examination, since in the Erzya language they include not only cases of complete or partial reduplication of the same words, but also alliterating words. Or they are most often referred to a group of alliterating words.

The relevance of this study is determined by the insufficient study of these units in Mordovian linguistics and the lack of a comprehensive analysis of reduplicatives.

Objective: characteristics of structural types of reduplicated words and their semantic groups in the Erzya language.

Research materials: the works by Erzya writers A. Arapov, K. Abramov, A. Doronin, A. Kutorkin, Nuyan Vidyaz, as well as lexicographic and dialectal materials.

Results and novelty of the research: the article for the first time presents a comprehensive analysis of reduplicated words in the Erzya language. It was found that structurally reduplication can be complete (exact reduplication of the same component),

incomplete or partial (partial reduplication of a reduplicant), and divergent (with a change in the sound composition of a reduplicant). In addition, there are cases of complicated reduplication, when one or another component has an additional affix in its composition.

Such forms have different semantic possibilities: the expression of disjunctive and collective plurality, amplification, increase, superiority, repeatability, and multiplicity.

The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the structural characteristics of reduplicated words and their meanings are studied in the Erzya language.

Key words: Erzya language, reduplication, repeatability, distribution, quantity

For citation: Klementyeva E. F. About some types of reduplications in the Erzya language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (2/53): 217–224.

Введение

Редупликация (от позднелат. *reduplicatio* – удвоение) – фонеморфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога (частичная редупликация) или целого корня (полная редупликация). Предельный случай редупликации – повтор, т. е. удвоение всего слова [11, 408].

Явление редупликации свойственно многим аспектам и уровням языка: фонетическому, морфологическому, лексическому, семантическому, синтаксическому.

Вопросы, связанные с изучением редупликации, затрагивались в отечественной и зарубежной лингвистике. К числу последних работ относятся исследования О. Фишер [22], Ч. А. Кауфмана [20], Т. Швайгера [21].

К теме редупликации в финно-угорских языках обращались не так часто. Венгерским лингвистом Давидом Фокошем была затронута проблема функционирования в финно-угорских языках так называемых этимологических фигур, представляющих собой повтор тождественных основ слов. Результаты его исследований нашли отражение в статье «Die etymologischen Figuren der finnisch-ugrischen Sprachen» [23]. Д. Фокош классифицирует этимологические фигуры и утверждает, что в финно-угорских языках они являются одним из наиболее распространённых стилистических средств усиления высказывания, и в некоторых отдельных случаях можно определить влияние индо-германских языков на развитие этого явления в языках финно-угорской группы.

Редупликативные конструкции в эстонском языке были предметом изучения в работе Мати Эрелта [19].

Структурная характеристика удвоений (повторений) в финно-угорских языках рассматривалась в работе К. Е. Майтинской [12]. По мнению исследователя, удвоение в языке может выступать в весьма разнообразных формах

(известны способы повторения целых слов, отдельных слогов и звуков). Автор приводит примеры из венгерского, марийского, удмуртского, эрзянского и других финно-угорских языков. К. Е. Майтинская утверждает, что «общие схемы большинства моделей, вероятно, уже существовали в языке-основе, детальные закономерности по использованию звуковых соотношений, суффиксации и т. д. вырабатывались и получали более или менее постоянное формальное выражение лишь в отдельных языках или группах близкородственных языков» [12, 134].

В работах Р. А. Заводовой [6] и М. Д. Имайкиной [7] при рассмотрении звукоизобразительных и наречийно-образительных слов говорится об удвоении основы подобных единиц. Сопоставительному анализу повторов на звуковом (фонетическом) уровне в разноструктурных – эрзянском и немецком – языках посвящена работа Н. В. Липатовой [10].

Редупликация как один из способов выражения собирательного значения рассматривалась в исследовании Е. Ф. Клементьевой [8].

Случаи повторов имён прилагательных эрзя-мордовского языка в аспекте категории градуальности отмечались Е. М. Девяткиной [4]. О редупликации основ прилагательных для выражения интенсива в коми диалектах говорит в своём исследовании С. А. Сажина [16]. Типичные случаи дублирования, встречающиеся в речи коми билингвов, анализируются в статье Г. А. Некрасовой [13]. Лингвистическому анализу парных слов и слов-повторов в хантыйском языке посвящена диссертация А. А. Шияновой [17]. Словообразование имён существительных и прилагательных в эрзянском и венгерском языках, в том числе и способом редупликации, рассматривается в работах Т. П. Аriskиной [1; 2].

Особенности употребления звукоподражательных и наречийно-образительных слов с

элементами редупликации в эрзянском языке и способы передачи данных единиц на русский язык описываются в работе Л. А. Гурьяновой, Н. В. Бутылова, Н. В. Казаевой [3].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили редулицированные слова, выявленные в текстах произведений эрзянских писателей А. Арапова, К. Абрамова, А. Доронина, А. Куторкина, Нуянь Видяз, а также в «Эрзянско-русском словаре» [18] и «Очерках мордовских диалектов» [15], что позволяет рассматривать их функционирование не только в литературном языке, но и в эрзянском диалектном ареале.

При освещении данного вопроса были использованы описательный метод, с помощью которого проведена первичная классификация редулицированных, а также метод структурно-семантического анализа.

Результаты

В эрзянском литературном языке и его диалектах широкое употребление находят редулицированные слова. Эти единицы встречаются в разных стилях и жанрах речи.

Редулицированные образования в большинстве своём не утратили способности члениться на самостоятельные лексические компоненты. Но среди них есть такие, части которых не могут употребляться отдельно друг от друга. К их числу относятся разделительные числительные, обозначающие раздельное количество предметов: *кавтонь-кавтонь* ‘по два’ [18, 222], *колмонь-колмонь* ‘по три’ [18, 279], *ветень-ветень* ‘по пять’ [18, 129]; наречия времени: *чинек-венек* ‘днём и ночью; постоянно’ [18, 749], *теленек-кизэнек* ‘зимой и летом’ [18, 654]. *Ошонь ортатне чинек-венек аштесть сёлгозь, тулодозь* [К. Абрамов] ‘Городские ворота и днём и ночью были закрыты, заперты’.

Редулицированные слова употребительны не только в литературном языке, но и разговорной речи. Среди них встречаются такие, где один из компонентов не имеет значения. Например: *нулат-валат* ‘одежда, пожитки, скарб’ [18, 421], от *нула* ‘тряпка’, второй компонент «валат» утратил своё значение; *чекамс-покамс* ‘перекреститься, помолиться’ [18, 744] от *чекамс* ‘креститься, молиться’, компонент «покамс» не играет смысловой роли; *атят-сэрдят*

‘умершие предки’ [18, 63] от *атя* ‘старик, пожилой мужчина’, второй компонент «сэрдят» не имеет значения в литературном языке, но может встречаться в диалектах; *пурнамс-сэрнямс* ‘собрать’ [18, 529] от *пурнамс* ‘собрать’, где второй компонент «сэрнямс» утратил своё значение как самостоятельного слова. *Тюма стямстонзо чекась-покась, путызе таштола шляпанзо ды тусь* [А. Куторкин] ‘Тюма, вставая, помолился, надел старенькую шляпу и ушёл’; *Шкась ульнесь вельть аламо, ды сеске максом тейтеренть пурнызь-сэрнизь курокке* [К. Абрамов] ‘Времени было немного, и сразу сосватанную невесту собрали быстро’.

Редулицированные единицы представляют собой удвоение знаменательных слов разных категорий. В составе таких образований чаще всего употребляются слова одной части речи, т. е. существительные с существительными, числительные с числительными, глаголы с глаголами и т. д.

Структурные типы редулицированных слов различны. В эрзянском языке редулициация может быть:

– полной (полное повторение одного и того же компонента): *аламонь-аламонь* ‘понемногу, постепенно’ [18, 42], *мельцек-мельцек* ‘друг за другом, последовательно’ [18, 375], *нилень-нилень* ‘по четыре’ [18, 413], *таркань-таркань* ‘местами, кое-где’ [18, 648]. *Маряви тень, кузнь сэрей-сэрей ватола пандопряс, ды ваньть лангозон авам, патян, ялаксом, ваньть веленек* [Нуянь Видяз] ‘Кажется мне, поднялся я на высокую-высокую крутую вершину горы, и смотрят на меня моя мама, старшие сёстры, младший брат, смотрят всем селом’; *Сельметне аламонь-аламонь тонадсть сундерькс шкань чевте чоподанть* [Нуянь Видяз] ‘Глаза понемногу привыкли к мягкой темноте сумерек’;

– неполной или частичной (частичное повторение редулицианта). Этот тип редулициации предполагает повторение части слова: корня, основы. *Чарькодемс вейке-вейкень – канстось, кортыть шержейтне, аволь шождыне* [Нуянь Видяз] ‘Понять друг-друга – ноша, говорят старики (букв. седые), нелёгкая’;

– дивергентной (с изменением звукового состава редулицианта): *кичкерь-мичкерь* ‘вкривь-вкось’ [18, 269], *луткт-латкт* ‘долы-овраги’ [18, 353], *лушмот-лашмот* ‘долы и овраги (букв. ложбина-долина, лощина)’ [18, 353],

лыткат-латкат ‘лохмотья (букв. рвань, тряпье-заплата)’ [18, 355], *сюрдов-сярдов* ‘сучковатый, раскидистый; некрасивый, безобразный (о человеке)’ [18, 637]. Например: *Ва токить пильгепезеть монь иетне, варитат ютазенть лангс – веенст луткт-латкт кармить неавомо* [А. Доронин] ‘Вот коснутся до твоих ног мои годы, взглянешь на прошлое – одни долговраги будут виднеться’; *Чары-вел’и од дз’ора, йаки-наки од ал’а* [15, 94] ‘Крутится-вертится молодой человек, ходит-рассказывает молодой парень’.

Кроме того, редупликация тех или других компонентов может осложняться дополнительными аффиксами (осложнённая редупликация: *вадрядо вадря* ‘хороший-прехороший’, *мазыйде мазый* ‘красивый-прекрасивый’). Например: *Прянтъ мон кепедьса – келейде келей менель, / Прянтъ мон комавтса – равжодо равжо мода...* [А. Арапов] ‘Голову я подниму – широкое-преширокое небо, / Голову я наклоню – чёрная-пречёрная земля...’.

Приёмы редупликации служат для выражения следующих грамматических значений: 1) разделительной множественности; 2) собирательной множественности; 3) усиления, увеличения, превосходства, 4) повторяемости, многократности.

Редупликация часто используется для выражения расчленённой множественности. Данное слово в этом случае указывает на множество предметов или лиц, каждое из которых мыслится отдельно. Редупликация при этом может быть полной или частичной. По мнению лингвистов, удвоение основ является одним из древнейших способов выражения множественного числа. Например: *Арсинек вейкенек-вейкенек туртов шумбрат-парт, явинек* [А. Доронин] ‘Пожелали друг-другу здоровья, разошлись’; *Иля мурне, мекс тонеть а капшан / – Штельень-иттель поки учомат коласынь* [А. Арапов] ‘Не упрекай, почему к тебе не тороплюсь / – На осколки твои ожидания разобью’; *Од ломат’н’я кармас’т’ чокшин’эн’-джокшин’эн’ тонаф’н’имä* ‘Молодые люди стали по вечерам учиться’ [15, 392].

Выражение грамматического значения собирательной множественности путём редупликации проиллюстрируем рядом примеров: *алкт-прялкт* ‘постельные принадлежности (букв. постель-изголовье)’ [18, 44], *кандт-кундт* ‘завал (спиленных и брошенных в лесу деревьев)

[18, 231], *карчт-курчт* ‘завал из хвороста (букв. сучок, коряга-сучок)’ [5, 46], *лыткат-латкат* ‘лохмотья’ (букв. рвань, тряпье-заплата) [18, 355], *нулат-валат* ‘одежда, пожитки, скарб (букв. тряпка-слово, не имеющее значения)’ [17, 421], *нуск-наск* ‘мусор’ [18, 424], *шарат-барат* ‘хлам’ [18, 761], *эйкакит-какит* ‘дети (букв. дети-слово-компонент парного слова)’ [5, 47]. Как видим из примеров, некоторые редупликативы образованы из слов, не имеющих значения в современном языке. Возможно, оно было утрачено на каком-то этапе языка, и сейчас сохранилась лишь общая семантика составляющих компонентов.

На наш взгляд, для таких слов неременным условием является употребление их в форме множественного числа, о чём мы говорили ранее [9, 258]. *Бойкасто пурнынзе курмонзо-кармонзо, простнесь ялгатнень марто, комендатурасто саинзе конёвонзо ды чиезь – Туруханское* [А. Доронин] ‘Быстро собрал свои пожитки, попрощался с друзьями, с комендатуры взял свои бумаги и бегом – в Туруханск’; *Сон арсесь седе, мезекс неть цёратнень сыргавтынзе, эдь малав эрванть улить эйкакшонзо-какшонзо, тетянзо-аванзо* [А. Доронин] ‘Он думал о том, для чего сдвинул с места этих мужчин, ведь почти у каждого есть дети, родители’; *Келей, керьсэ ацазь нурдтнэсэ, олго лангсо, кой-кодат кептернетъ, кансткетъ, нуласо-валасо оршнесь эйкакит* [Нуянь Видяз] ‘В широких, корой покрытых саях, на соломе, кое-какие кузовки, узелки, в тряпье одетые дети’.

Редупликация может быть использована как средство при образовании подражательных и изобразительных слов. Этот факт отмечен в Лингвистическом энциклопедическом словаре. «Редупликация, – говорится в соответствующей статье, – широко используется при образовании идеофонов и звукоподражательных слов» [11, 408]. Эти единицы упоминались и авторами «Основ финно-угорского языкознания», которые отмечали, что «высокую степень экспрессивности данным сочетаниям придавал особый фонетический состав компонентов, которые по звучанию лишь незначительно различались по противопоставлению гласных (например, переднерядных заднерядным), реже – по противопоставлению согласных» [14, 394]. Например: *кичкерь-мичкерь* ‘вкривь-вкось’ [18, 269], *луй-луй* «наречийно-изобразительное

слово, обозначающее лёгкое колыхание» [18, 353], *муст-муст* «наречийно-изобразительное слово, передающее тихий смех» [18, 394]; *тыж-лаж* «наречийно-изобразительное слово, передающее образ шипения сырых дров при их горении» [18, 684]. *Икелем калаш-кулаш эскелицянтъ лангс ваннозь теке басом арсеzewинь: «Наян цёрантъ кедьсэ вана узерне, эсень зепсэ – сермадоманъ кедьёнкст* [Нуянь Видяз] ‘Смотря на передо мною вперевалку шагающего вместе с тем подумал: «В руках у гордого парня вот топорик, в моём кармане – письменные принадлежности»’; *Вана сыть ногайтне. / Вармась канды пельдест минень-сюнонь чине, минень-сюнонь шалт: / Или пижнить ломанть, или цяхить эльдеть, / Тыр-быр кортамосост а чарькодят валт* [К. Абрамов] ‘Вот придут ногойцы. / Ветер принесёт от них разный запах, разный шум: / Или кричат люди, или ржут кобылы, / В непонятном их разговоре не разберёшь слов’.

Редупликация используется для выражения высшей степени проявления признака предмета или действия. Удвоение целых слов или основ усиливает или значительно изменяет качество, заложенное в слове. Примеры такого рода часто встречаются в разговорной речи, фольклорных текстах и произведениях художественной литературы. *Чоподадоаяк чоподаальть войнанъ иетне* [Нуянь Видяз] ‘Тёмные-претёмные были годы войны’; *Ломанень ошмось покштоаяк покш, келлейдеяк келей* [Нуянь Видяз] ‘Человеческая толпа большая-пребольшая, широкая-преширокая’; *...Зярдэ прядовсь леднемась, шожда толга / кувать-кувать вельксэнек чарась-велясь* [А. Арапов] ‘...Когда закончилась стрельба, лёгкое перо / Долго-долго над нами кружилось’.

Характерной особенностью эрзянского литературного языка и диалектов является употребление редуплицированных глаголов, имеющих значение повторяемости, многократности действия. *Мол'ц'-мол'ц'* (*т'эйт'ир'н'ис'*), *мус' кудын'и, а с'э кудын'исын'т' эр'эс' йага баба* [15, 155] ‘Шла-шла (девочка), нашла домик, а в том домике жила Баба-яга’; *Авар'т'ц'-авар'т'ц'* (*ц'орын'гис'*), *амъл'д'эс' вэд' ды тус' кудув с'камъндзâ* [15, 292] ‘Плакал-плакал (мальчик), почерпнул воды и пошёл домой один’.

Редупликация функционирует не только на фонетическом, морфологическом, но и на синтаксическом уровне, в основе которого также

лежит принцип повторения. К числу таких средств относятся приёмы анафоры, эпифоры, часто употребляемые в поэтических произведениях. С помощью них достигается усиление эффекта передачи чувств и эмоций. *Илядо ёвта чирь ды берянь вал, / Илядо пачтя оймес вармань экише ...* [Т. Мокшанова] ‘Не говорите кривого и плохого слова, / Не доносите до души прохлады ветра...’; *Кадык лоткить кулсеме оян, / Кадык тюреманть карми пезэ. ...* [А. Подгорнова] ‘Пусть перестанут умирать мои друзья, / Пусть у битвы наступит конец...’.

Если анафора характеризуется повторением языкового элемента в начале параллельного ряда, то эпифора – это повторение одного и того же слова в конце смежных отрезков речи. *Ды содадо: бути а пезнан, / Бути палманекс тей а пезнан, / Мон муса раужо виенть пензэ, / Мон сезьса раужо виенть пензэ* [А. Подгорнова] ‘И знайте: если не застыну, / Если столбом не застыну, / Я найду конец чёрной силы, / Я порву конец чёрной силы’.

Обсуждение и заключение

На основании рассмотренного материала можно сделать вывод, что редупликация обладает большой продуктивностью в эрзянском литературном языке и диалектах.

Это явление наблюдается в системе разных частей речи: глаголов, существительных, прилагательных, наречий и местоименных слов, но наиболее часто оно встречается в словопроизводстве существительных. При этом редупликация может быть полной (полное повторение одного и того же компонента), неполной или частичной (частичное повторение редупликанта) и дивергентной (с изменением звукового состава редупликанта). В языке функционируют также единицы осложнённой структуры, когда один из компонентов имеет в своём составе дополнительный аффикс.

По семантическим характеристикам подобные слова могут выражать дистрибутивную и собирательную множественность, повторяемость, многократность действия, а также разную степень проявления признака. При анализе фактического материала пришли к выводу, что для выражения расчленённой множественности чаще используются единицы с полной и частичной редупликацией, семантика собирательности характерна для дивергентных

редупликативов-существительных в форме множественного числа. Высшую степень проявления признака выражают редупликативы с полным повторением компонентов или же где один из них осложнён аффиксом. Многократность действия обнаруживается в глагольных формах с полным повторением.

В некоторых случаях редупликативные образования представляют собой нерасторжимые единицы, компоненты в составе которых не имеют самостоятельного лексического значения. Тогда за ними закрепляется то понятие, которое они приобрели в результате удвоения, а прежние семантические характеристики утрачиваются.

Список источников и литературы

1. Арискина Т. П. Сложные прилагательные в эрзянском и венгерском языках // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 4. С. 348–357.
2. Арискина Т. П. Сложные существительные сочинительного типа в эрзянском и венгерском языках // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 3. С. 230–241.
3. Гурьянова Л. А., Бутылов Н. В., Казаева Н. В. Национальная специфика звукоизобразительной лексики эрзянского языка и проблемы её перевода на русский язык // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 200–205.
4. Девяткина Е. М. О редупликации в современном эрзя-мордовском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. В 2 частях. Аспирантские тетради. Ч. I. Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. 2008. № 28 (63). С. 71–74.
5. Евсевьев М. Е. Основы мордовской грамматики. Эрзянь грамматика: С прилож. образцов мокшанских склонений и спряжений. М: Центр. изд-во народов СССР, 1928. 446 с.
6. Заводова Р. А. Изобразительные слова в мордовских языках // Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. Вып. 23. С. 197–204.
7. Имайкина М. Д. Наречийно-изобразительные слова в мордовских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1968. 26 с.
8. Клементьева Е. Ф. Категория собирательности в эрзянском языке: учеб. пособие. Саранск: Красный Октябрь, 2004. 79 с.
9. Клементьева Е. Ф. Числовая характеристика собирательных имён в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 254–261.
10. Липатова Н. В. Повторы на звуковом (фонетическом) уровне в эрзянском и немецком языках (Типологический аспект исследования): автореф. дис... канд. филол. наук. Саранск, 2004. 18 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 709 с.
12. Майтинская К. Е. Структурные типы удвоений (повторений) в финно-угорских языках // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.; Л.: Наука, 1964. С. 122–136.
13. Некрасова Г. А. Дублирование в телевизионной речи коми билингов // Язык и культура. 2013. № 3. С. 73–81.
14. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 480 с.
15. Очерки мордовских диалектов / ред. М. Н. Коляденков, О. И. Чудаева. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. I. 396 с.
16. Сажина С. А. Прилагательное в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 3. С. 284–292.
17. Шиянова А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта): автореф. дис... канд. филол. наук. Саранск, 2013. 19 с.
18. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М.: Рус. Яз., Дигора, 1993. 803 с.
19. Ereht M. Intensifying Reduplication in Estonian // *Linguistica Uralica*. 2008. Vol. 44. № 4. Pp. 268–277.
20. Kauffman C. A. Reduplication Reflects Uniqueness and Innovation in Language, Thought and Culture. 2018. URL: <http://www.omniglot.com/language/articles/reduplication.htm> (дата обращения: 14.03.2020).
21. Schwaiger T. The derivational nature of reduplication: towards a functional discourse grammar account of a non-concatenative morphological process // *Word Structure*. 2018. Vol. 11. Issue 1. Pp. 118–144.
22. Fischer O. Cognitive iconic grounding of reduplication in language // *Semblance and Signification* / P. Michelucci, O. Fischer, C. Ljungberg [eds.]. Amsterdam: Benjamins, 2011. Pp. 55–81.
23. Fokos D. Die etymologischen Figuren der finnisch-ugrischen Sprachen // *Ungarische Jahrbücher*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1932. Pp. 70–89.

References

1. Ariskina T. P. *Slozhnye prilagatel'nye v erzyanskom i vengerskom yazykakh* [Compound adjectives in the Erzya and Hungarian languages]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2021, no. 13 (4), pp. 348–357. (In Russian)
2. Ariskina T. P. *Slozhnye sushchestvitel'nye sochinitel'nogo tipa v erzyanskom i vengerskom yazykah* [Compound nouns of the coordinative type in the Erzya and Hungarian languages]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2020, no. 12 (3), pp. 230–241. (In Russian)
3. Guryanova L. A., Butylov N. V., Kazaeva N. V. *Nacional'naya spetsifika zvukoizobrazitel'noy leksiki erzyanskogo yazyka i problemy ee perevoda na russky yazyk* [National specificity of the sound and visual words in the Erzya language and the problems to translate them into the Russian language]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], 2022, no. 3 (63), pp. 200–205. (In Russian)
4. Devyatkina E. M. *O reduplikacii v sovremennom erzya-mordovskom yazyke* [About reduplication in the modern Erzya-Mordovian language]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. V 2 chastyah. Aspirantskie tetradi. Ch. I. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki: Nauchnyj zhurnal* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, no. 28 (63), pp. 71–74. (In Russian)
5. Evseyev M. E. *Osnovy mordovskoj grammatiki. Erzyan' grammatika: S prilozh. obrazcov mokshanskih sklonenij i spryazhenij* [Fundamentals of Mordovian grammar. Erzya grammar: With examples of the Moksha language declensions and conjugations]. Moscow: Centr. izd-tvo narodov SSSR Publ., 1928. 446 p. (In Russian)
6. Zavodova R. A. *Izobrazitel'nye slova v mordovskikh yazykakh* [Descriptive words in the Mordovian languages]. *Trudy Mordovskogo NIIYALIE* [Publications of the Mordovia Research Institute of Language, Literature, History and Economy]. Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo Publ., 1962. Iss. 23. pp. 197–204. (In Russian)
7. Imaykina M. D. *Narechijno-izobrazitel'nye slova v mordovskikh yazykah* [Adverbial-descriptive words in the Mordovian languages]. Tartu, 1968. 26 p. (In Russian)
8. Klementyeva E. F. *Kategoriya sobiratel'nosti v erzyanskom yazyke: ucheb. posobie* [Category of collectiveness in the Erzya language: textbook]. Saransk: Krasny Oktyabr Publ., 2004. 79 p. (In Russian)
9. Klementyeva E. F. *Chislovaya kharakteristika sobiratel'nykh imyon v erzyanskom yazyke* [Numerical characteristics of collective names in the Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (2), pp. 254–261. (In Russian)
10. Lipatova N. V. *Povtory na zvukovom (foneticheskom) urovne v erzyanskom i nemeckom yazykah (Tipologicheskij aspekt issledovaniya)* [Repetitions at the sound (phonetic) level in the Erzya and German languages (Typological aspect of the study)]. Saransk, 2004. 18 p. (In Russian)
11. *Lingvistichesky enciklopedichesky slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartsevov. Moscow: Sov. encikl. Publ., 1990. 403 p. (In Russian)
12. Maytinskaya K. E. *Strukturnye tipy udvoenij (povtorenij) v finno-ugorskikh yazykakh* [Structural types of reduplications (repetitions) in the Finno-Ugric languages]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznanija. Grammatika i leksikologiya* [Topics in the Study of Finno-Ugric linguistics. Grammar and Lexicology]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. pp. 122–136. (In Russian)
13. Nekrasova G. A. *Dublirovanie v televizionnoy rechi komi bilingvov* [Reduplication in TV speech of Komi bilinguals]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2023, no. 3, pp. 73–81 (In Russian)
14. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Issues of the origin and development of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 480 p. (In Russian)
15. *Ocherki mordovskikh dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Ed. by M. N. Kolyadenkov, O. I. Chudaeva. Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo Publ., 1961. Vol. I. 396 p. (In Russian)
16. Sazhina S. A. *Prilagatel'noe v verkhnekamskom narechii komi-permyackogo yazyka* [Adjective in the Upper Kama dialect of the Komi-Permyak language]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2022, no. 14 (3), pp. 284–292. (In Russian)
17. Shiyanova A. A. *Parnye slova hantyjskogo yazyka (na materiale shuryshkarskogo dialekta)* [Alliterating words of the Khanty language (on the material of the Shuryshkar dialect)]. Saransk, 2013. 19 p. (In Russian)
18. *Erzyansko-russky slovar'* [Erzya-Russian Dictionary]. Ed. by B. A. Serebrennikova, R. N. Buzakova, M. V. Mosin. Moscow: Rus. Yaz., Digora Publ., 1993. 803 p. (In Russian)
19. Ereht M. Intensifying Reduplication in Estonian. *Linguistica Uralica*, 2008, no. 44 (4), pp. 268–277. (In English)
20. Kauffman C. A. *Reduplication Reflects Uniqueness and Innovation in Language, Thought and Culture*. 2018. Available at: <http://www.omniglot.com/language/articles/reduplication.htm> (accessed March 14, 2020). (In English)
21. Schwaiger T. The derivational nature of reduplication: towards a functional discourse grammar account of a non-concatenative morphological process. *Word Structure*, 2018, no. 11 (1), pp. 118–144. (In English)
22. Fischer O. Cognitive iconic grounding of reduplication in language. *Semblance and Signification*. P. Michelucci, O. Fischer, C. Ljungberg [eds.]. Amsterdam: Benjamins, 2011. pp. 55–81. (In English)

23. Fokos D. Die etymologischen Figuren der finnisch-ugrischen Sprachen. *Ungarische Jahrbücher*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1932. pp. 70–89. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клементьева Елена Филипповна, доцент кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук.

klementeva.71@mail.ru

ORCID 0000-0003-0606-7110

ABOUT THE AUTHOR

Klementyeva Elena Filippovna, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovian State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Candidate of Philological Sciences.

klementeva.71@mail.ru

ORCID 0000-0003-0606-7110